

Общественное лицо российского бизнеса

Орест Мушгук

“Выкачивание денег из страны за рубеж, уход от налогов через офф-шоры, отсутствие инвестиций в производство, вызывающие траты на заграничные футбольные клубы, монопольные варварские цены на связь и на бензин для простых смертных... Заботит ли “нынешних хозяев” будущее страны, которая дала им миллиарды или им наплевать на все, кроме собственного упитанного будущего?”

Вероника Сивкова – обозреватель “АиФ”

В конце 90-х годов в рамках репрезентативного опроса 1408 столичных жителей по поводу их представлений о ценностях рыночной экономики им (в числе других) был задан следующий вопрос: *“Преимущественно в облике кого предстает перед Вами большинство тех, кого принято называть «новыми русскими»?”*

– Ответы опрошенных москвичей выстроили весьма нелицеприятную для отечественного бизнеса иерархию (по нисходящей):

– Спекулянты – кто зарабатывает себе на жизнь перепродажей “с наваром” товара, закупленного за рубежом (68,4%);

– “Бандократы” – криминалитета, который спаивает народ фальсифицированной водкой и накачивает “наркотой” (66,1%);

– Ростовщики – кто живет за счет спекуляций валютой и ценными бумагами, а также предоставления под высокий процент денежных кредитов и ссуд (65,3%);

– Непатриоты – кто напрочь лишен национальной почвы и озабочен только тем, как скорее набить свой карман и затем переселиться за “бугор” (60,3%);

МУШГУК Орест Захарович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московской финансово-промышленной академии.

Ключевые слова: девиантное поведение, стяжательство, эгоцентризм, приватизация, залоговые аукционы, противоправные технологии, социальная ответственность.

– Компрадоры – кто делает деньги в качестве торгпредов иностранных фирм и продвигает их товар на внутреннем рынке в ущерб национальному производителю (55,7%);

– “Пахари-сеятели” – кто производит и насыщает отечественный рынок высококачественными товарами и услугами (18,6%);

– Благотворители – кто “делиться с народом” и оказывает безвозмездную помощь нуждающимся людям и организациям (детским домам и приютам, интернатам для престарелых и т.д.) (16,7%);

– Меценаты – кто бескорыстно покровительствует науке и искусству (15,0%);

– Патриоты – кто думает не только о себе, но и о насущных проблемах возрождения и процветания России (14,6%).

Эти данные говорят сами за себя. На уровне массового восприятия отечественный бизнес предстает не бизнесом с “человеческим лицом”, а бизнесом, чье общественное лицо “шибко перекошено” и напоминает чуть ли не “бандита с большой дороги”. Если сложить все полученные результаты и вычленить из них сумму ответов на первые 5 олицетворяющих этот негативный имидж вариантов вместе взятых, то получится, что в итоге на них приходится 81,1%¹.

Такое восприятие носит довольно устойчивый характер.

Как показали результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в начале 2005 г., в оценках 42% опрошенных россиян самым распространенным типом бизнеса в России по-прежнему является тип “паразитического, антипатриотического и безответственного бизнеса”.

Удельный вес тех, кто самым распространенным типом назвал тип “социально ответственного бизнеса”, невелик и составляет всего 5%.

Еще 21% респондентов исходят из убеждения, что оба эти типа распространены в одинаковой мере.

2% – что весь бизнес социально ответственный и 18%, что паразитический.

В итоге в пользу первого (социально ответственного типа бизнеса) высказались всего 17,5%, тогда как в “пользу” второго (паразитического) – преобладающее абсолютное большинство в 70,5%².

Одной из причин, детерминирующих такую “статичность” общественного мнения, несомненно, является глубоко укоренившийся в массовом сознании стереотип, что на Руси любое богатство (а тем более скоропалительное, исчисляемое миллиардами долларов) наживается нечестным путем, имеет в своем основании явное или завуалированное преступление.

Немаловажную роль играют СМИ, особенно ТВ, которые однобоко освещают жизнедеятельность отечественных предпринимателей, выпячивая ее рекламно-презентационные и потребительские стороны, криминал на почве конкуренции и борьбы за сферы влияния.

Не отстает и государство, которое склонно разыгрывать “предпринимательскую карту” всякий раз, когда в экономике происходят разного рода “обвалы” (рублевые, ценовые, инфляционные и т.д.) с тем, чтобы свалить все беды с большой головы на здоровую.

Однако при всей значимости этих факторов очень значительная (если не основная) доля “вины” в формировании антиобщественного лица отечественных предпринимателей лежит на них самих и связана с далекими от цивилизации формами и технологиями предпринимательской активности.

Девиантное поведение как фактор социального отчуждения отечественного бизнеса

Один из американских экономистов сказал, что поведению на рынке, как и в любви, особенно учить не надо – это то, что дано человеку самой природой – на уровне исходных (мотивирующих первичных) рамки поведения человека) психофизиологических инстинктов. “Генетический код предпринимательства” в разных общественных системах может проявляться и действительно проявляется по-разному. Если нет возвращенных эволюцией страха не только перед законом, но и перед Богом и общественным мнением, если не сформированы определенные нравственно-этические императивы и “табу”, построенная на самодисциплине и самоконтроле социальная ответственность личности, то такого рода “генетика” (то есть бизнес) чаще всего принимает девиантные, патологические формы. И “зверино-земное” начало в человеке, не привыкшем к духовной работе над собой, к претворению низшей природы в высшую, выступает на первый план.

Именно это и имеет место в современной России. Что напрямую связано с тем, что, по прихоти истории, семена дарованной сверху свободы частно-предпринимательской деятельности, попали на невспаханную (не окультуренную) предыдущими поколениями почву. Накопленный в стране до Октября 1917 г. положительный опыт нравственно-этического бизнеса, когда среди именитых купцов и фабрикантов как заповедь говорили “прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли”, и что “*noblesse oblige*” (знатность обязывает), – этот опыт практически полностью утерян.

Этот межгенерационный разрыв (утрата связи и преемственности между поколениями) как раз и обуславливает

организацию и ведение дел в нынешнем отечественном бизнесе как лишенных нравственно-этической (в том числе религиозной) детерминанты-мотивации с “нулевого” (“генетического”) уровня при безусловной доминанте заданных природой “хватательных” рефлексов и инстинктов, когда для получения прибыли (рассматриваемой в качестве единственной и конечной цели бизнеса) в равной мере годятся финансовые и валютные аферы и спекуляции; повальное мошенничество и обман; производство и распространение контрафактной (фальсифицированной) продукции; тайные сговоры о монопольных ценах и тарифах, массовый “отстрел” конкурентов и т.д.

Проведенный в начале 2007 г. социологический опрос на тему, можно ли поступить моралью ради того, чтобы разбогатеть, показал, что среди молодежи только 28% считают, что моральными принципами ради богатства жертвовать нельзя, а 54% готовы переступить через мораль, если это потребуется для личного обогащения.

Совершенно противоположная картина среди пенсионеров: только 21% согласились на то, чтобы их дети поступились моральными принципами ради того, чтобы стать богатыми, а 59% убежденно ответили: пусть их дети будут бедными, но честными³.

На базе этой готовности предать забвению мораль, от которой дистанция к настоящим преступлениям невероятно мала, страну, как цунами, накрыла волна стяжательства. Оргия хищнических инстинктов и дикой алчности охватила слишком широкие слои населения. Сильнодействующим наркотиком (и мерилем всего и вся) стал “нал”, ради которого совершаются многочисленные заказные убийства, распадаются семьи, “разводятся” и

превращаются в “заклятых врагов” ближайшие родственники и друзья.

В предпринимательской среде в качестве доминантной практически-поведенческой ориентации верховодит установка на то, чтобы “объегорить”, “обуть”, “одурачить”, “кинуть” и т.д. как партнера, так и потребителя. При этом добро клеймится знаками отсталости и неприспособляемости. Повсеместно с издевкой спрашивают: “Если ты такой умный и честный, то почему бедный?”

По сути “правит бал” воинствующий эгоцентризм, явно отдающий “канни-баллистским” душком: “съешь ближнего, ибо ближний съест тебя”.

Господствует сугубо асоциальная психология, которая, говоря словами американского исследователя – специалиста по России Р.Пайса, сродни психологии “пошадных барышников”. В ней “мы находим мало капиталистической этики с ее упором на честность, предприимчивость и бережливость. На покупателя и продавца смотрят как на соперников, озабоченных тем, как бы перехитрить другого”⁴.

Общаясь с разными аудиториями, в том числе и с представителями бизнес-сословия, автор этих строк неизменно ставит вопрос о причинах крена значительной части отечественных предпринимателей в “зоологическую крутизну”. Чаще всего в качестве “смягчающего вину обстоятельства” здесь фигурируют ссылки на то, что так было у всех.

Страна переживает эпоху первоначального накопления капитала, которая у всех проходивших через нее народов никогда не имела ничего общего ни с моралью, ни с честностью, ни со справедливостью. Поэтому все это следует воспринимать, хотя и как зло, но зло неизбежное, которое с накоплением известной критической массы, методом самоотрицания, превратится в добро. И вчерашний “бандит с большой дороги” – рэкетиры или мафиози –

насытившись этой “круто замешанной на зле грязи” и отмыв криминальные капиталы, поменяет малиновый пиджак на деловой костюм respectable-ного бизнесмена, превратится в добропорядочного христианина, заботящегося об общественном благе и процветании.

Показательны в этом отношении открытия Б.А.Березовского. На вопрос о том, почему в отечественной бизнес-среде царят варварские принципы и методы конкурентной борьбы, выстроенные по законам лагерной зоны, самый олигархичный из всех олигархов Россия без тени смущения ответил, что не видит в данном явлении никакой трагедии. Наоборот. В этом новом пришествии дикости и варварстве он усматривает “вполне определенную последовательность, с которой страна продвигается к лучшей жизни”⁵.

То, что становление отечественного предпринимательства “происходит в совершенно зверских, разбойничьих формах” совсем не удивляет и одного из известных российских социологов Б.Грушина, считающего, что связанный с капитализмом общественный прогресс – это удел не “порядочных” людей, а “проходимцев”. “В любой стране, – замечает он, – при переходе к капиталистической цивилизации первоначальное накопление капитала совершалось именно так. Никакая мораль не могла быть сдерживающим фактором, только бесчестные люди могли возглавить переход к новой жизни”⁶.

Если обратиться к истории генезиса капиталистического способа производства в Западной Европе или США, то многое действительно работает в пользу такого рода умозаключений. Покопавшись в “генеалогическом древе” преуспевающих сегодня в тех же США семейных кланов и династий, не трудно обнаружить у многих из них криминальные (или полукриминальные) корни. Поэтому там не любят вопросов о происхождении стартовых капиталов.

Г.Явлинский, пытаясь в свое время выяснить, как в стране появились первые банковские учреждения, везде встречал отказ. И только в одном очень известном банке ему сказали: "Если вы никогда никому не расскажете, мы вам скажем. Наш банк начинался с работорговли"⁷.

Но исторические параллели, как известно, вещь очень скользкая. Нельзя не видеть принципиальных различий

между тем, что было в этом регионе мира в эпоху первоначального накопления капитала, и тем, что имеет место в современной России. Там речь действительно шла о накоплении, причем в основном за счет внешних источников (колониального грабежа и работорговли), тогда как в России – если и о накоплении, то исключительно через перераспределение уже накопленного.

Первоначальное накопление как криминально-бюрократическая "экспроприация" уже накопленного

Называя вещи своими именами, мы вправе говорить о криминально-бюрократической революции по разграблению и "экспроприации" национального достояния, созданного тяжелым трудом предыдущих социалистических поколений.

Откровенный грабеж и повальное обворовывание собственного народа – вот первоисточник сказочного обогащения многих наших набобов и нуворишей, и не только из числа бывшей номенклатуры.

Сказанное касается, прежде всего, широкомасштабной "ваучерной приватизации" государственной собственности, которая по отношению к преобладающему большинству россиян фактически стала деприватизацией, и была окрещена ими как "прихватизация".

Уже в 1992 г. только 7,3% россиян считали, что приватизация осуществляется в интересах трудящихся масс, тогда как 49,2% были убеждены, что она работает исключительно на "теневиков", 26,2% – на престижную номенклатуру, 21,6% – на предприимчивых людей.

И действительно, несмотря на благую цель – разделения экономической и политической власти, и создания на этой основе эффективного частного собственника, приватизация, осуществленная под "предводительством" свое-

го "отца" – бывшего главы РАО ЕЭС А.Чубайса, – с самого начала приняла ярко выраженный антинародный характер.

Умножим 150 млн. россиян на 10 тыс. руб. (цена одного ваучера), с учетом деноминации получим полтора миллиарда рублей, или порядка 60 млн. долл. по сегодняшнему курсу. Именно в такую "кругленькую сумму" был оценен весь промышленный потенциал второй по экономической мощи страны мира.

Бывший губернатор Красноярского края А.Лебедь с негодованием писал: "За три поколения – дед, отец и я – на троих, два ушедших, я оставшийся, заработали один ваучер ценою в 10 тыс. руб., на который не купишь даже паршивого уюта. И вот это наша, за три поколения, доля национального достояния громадной, сказочно богатой страны. Кто скажет, что это не самый кощунственный обман?"⁸

Но это был лишь первый шаг на пути массовых спекуляций, позже развернувшихся в России.

Следующим этапом стали организованные А.Чубайсом залоговые аукционы.

Наиболее ценная государственная собственность даром ушла в руки кучки будущих олигархов.

Так, ЮКОС, оцененный по состоянию на август 1997 г. в 6,2 млрд. долл., ушел за 353 млн., рыночная стоимость "Лукой-

ла", достигавшая почти 16 млрд. долл. не оказала никакого влияния на то, что его продали за 700 млн.

"Норильский никель", ушедший к группе "Интеррос" за 300 млн. долл., в то время был официально застрахован за рубежом аж на 30 млрд. "зеленых". Фактически в 100 раз больше.

Наряду с этими гигантами в частные руки уплывала и гораздо менее масштабная, но не менее ценная государственная собственность.

Приватизировать морской порт по рыночной цене трехкомнатной квартиры или нескольких поддержанных иномарок было в порядке вещей.

О беспредельно заниженной стоимости приватизировавшихся предприятий красноречиво говорят данные о средней цене, по которой они уходили в частные руки: в промышленности, а также на транспорте и связи эта цена составляла 15,5 тыс. долл., в общепите и бытовом обслуживании – 10,4 тыс., в строительстве – 7 тыс. долл.

В результате за приватизацию в 1992–1999 гг. 133,2 тыс. предприятий страна получила всего 9 млрд. 250 млн. долл.

Средняя стоимость одной сделки составила 69444 долл. и 44 цента.

Для сравнения: маленькая Венгрия, в которой и при социализме была реальная многоукладная экономика, и государственные предприятия занимали в общем хозяйстве гораздо меньшую долю, выручила от продажи своей госсобственности 11,3 млрд. долл.

Как подсчитали эксперты, Россия, хотя и приватизировала больше всех собственности, по доходам от этой процедуры заняла лишь 20 место⁹.

Не случайно, что даже американцы, активно участвовавшие в приватизации в качестве "советников", вынуждены были признать, что по отношению к народу эта процедура стала обманом де-факто, приняла ярко выраженный воровской характер.

Приватизация "не вписалась в реалии критериев успеха российских предприятий

и не смогла повлиять на реальный производственный процесс"¹⁰.

Приватизация не достигла главной своей социально-экономической цели – не создала эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики. Не получил ни правовой, ни экономической основы для цивилизованной конкуренции мелкий и средний бизнес. А крупные производства и целые сегменты экономики в результате приватизации получили монопольное положение на рынках и снизили свою эффективность.

На авансцену хозяйственной и политической жизни России выдвинулась не "цивилизованные" предприниматели, а клан "махинаторов" в лице олигархов, которые создали свои империи вопреки закону и только благодаря связям с властью.

Впрочем, много в данной ситуации и быть не могло. Как справедливо отмечал в этой связи патриарх отечественного малого бизнеса и социальный философ А.Паникин, "эффективным может быть только собственник, который вложил свои капиталы в производство. Тогда он или сам начнет производить, или наймет для этого профессионала. Иначе, если собственность халявная, нет стимула работать, есть стимул проматывать наследство. А у нас своих денег никто не вкладывает – первоначального накопления нет, есть только перераспределение государственных средств"¹¹.

В одном из интервью "АиФ" генеральный директор Альфа-банка П.Авен утверждает, что "в России все крупные частные банки создавались с нуля, с начальным капиталом в каких-то 50 миллионов рублей"¹².

По сравнению с нынешними миллиардами и миллиардами банковских активов сумма действительно маленькая. Но по отношению к временам старта огромная, и ее надо было откуда-то взять. Ведь накопить такую сумму при социализме легально не могли даже

министры и члены Политбюро ЦК КПСС, не говоря уже о простых смертных. Тогда откуда (из какого источника) взялись эти стартовые миллионы?

Чтобы не казаться смешным, П.Авен говорит правду: из “закромов Родины”, которые “приватизировали новые хозяева – самые шустрые, наглые и решительные”. Но при этом оговаривается, что это было “скорее исключением”, чем правилом. Хотя в реалиях все обстояло с точностью до наоборот.

И если в генезисе частных банков и были другие источники “зачатия” (например, “заначки” на почве “теневого экономики”, которая стала развиваться в недрах “развитого социализма” периода застоя) – то они не делали погоды.

Уже в первые годы реформ именно за счет бюджетных средств в стране было создано более 2,5 тыс. коммерческих банков, через которые государство пропускало деньги для расчета с работниками бюджетной сферы, военнослужащими и т.д. Что делали банки? В лучшем случае они “прокручивали” деньги, “наваривая” для себя капитал с воздуха, в худшем – переправляли их за границу навсегда.

Объем задержанных банками платежей за первые 7 “рыночно-реформаторских” (после 1991 г.) лет составил 876 трлн. руб.

Социальные лифты “на приколе”: богатые богатеют, бедные беднеют

Любые радикальные социальные реформы, действительно, не могут быть одинаково справедливыми для всех. Да и сам рынок (капитализм) как способ производства и воспроизводства общественной жизни, основанный на частной выгоде и личном интересе, изначально предполагает наличие в обществе определенных “несправедливостей”. И понятие социальной справед-

В этом же ряду противоправных технологий стартового накопления как банковского, так и других видов капитала, находятся и такие широко использовавшиеся (и использующееся, в значительной степени и поныне) “методики”, как “пирамидостроительство” и другие валютно-финансовые аферы и спекуляции; “отмывание” мафиозных денег; должностное взяточничество и казнокрадство; воровство государственного имущества и ресурсов и т.д.

В общем, и целом, как откровенно говорят многие отечественные предприниматели, для того, чтобы в нашем “клептократическом” государстве делать деньги легко, надо быть политиком, быть вхожим в государственные органы (непрененно иметь в них сильных покровителей), быть Бандитом (с большой буквы), отмывать “грязные деньги”, особенно имея для этого партнера на Западе.

Наконец, надо за большие деньги купить еще большие деньги, то есть дать взятку крупному чиновнику и получить доступ к государственному бюджету. При широкой “прихватизации” государственной собственности подавляющее большинство частных экономических субъектов не может функционировать, не питаясь за счет государственных средств. Отсюда одна из причин крайней неэффективности экономики.

ливости относится к числу тех, которые не входят в состав его основополагающих базовых ценностей.

Но все дело в том, что в условиях постсоциалистической России речь идет не об эволюции, а исключительно о революции, причем революции не снизу, а сверху.

По отношению к этой революции как способу “социальных пертурба-

ций” посредством насилия и произвола эволюция как раз более справедливая “штука”. В ее рамках новое рождается постепенно, в недрах старого. И большинство имеет возможность, так или иначе, приспособившись к меняющимся реалиям среды. И хотя, конечно, по причине своей малоподвижности и консервативности, оно не так выигрывает, как “держашее нос по ветру” активное меньшинство. Но его вряд ли можно отнести к абсолютно проигравшему от эволюции большинству.

У нас же в силу криминально-бюрократического “разнужданного” характера революции “верхов” большинство не только проигрывает. Оно вообще лишено перспективы в том смысле, что ныне преуспевающее меньшинство будет превращаться в большинство за его счет, то есть за счет восходящей вертикальной социальной мобильности (“социального карьеризма”) низов.

Вряд ли оправдаются социал-дарвинистские расчеты некоторых из наших “младореформаторов” по поводу того, что рынок в России состоится только тогда, когда вымрут все возвращенные социализмом поколения.

Смею заверить читателя, что будущие поколения в основной своей массе никогда не станут жить хорошо, если сегодняшние в целом живут из ряда вон плохо. Ибо бедные не могут массово воспроизводить богатых.

Бедные могут массово воспроизводить только себе подобных, то есть бедных.

Согласно результатам исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, посвященного выяснению динамики изменения душевого дохода у различных групп населения за первое десятилетие рыночных реформ, лишь 20% населения стали богаче, тогда как 80% обеднели. При чем 2% богатых увеличили свои доходы в 10 раз. А самые бедные 20% обеднели в 2 раза.

И такая “минусовая” для бедных и “плюсовая” для богатых динамика будет сохраняться и впредь. Как показывают расчеты все того же Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, упование властей на то, что если ВВП будет расти, бедность исчезнет само собой, лишены оснований.

При росте ВВП на душу населения на 100 руб., доходы бедных увеличатся всего на 5 руб., богатых – на целых 200, то есть разница между ними составит 20 раз.

На лицо парадокс – экономический рост в условиях современной России не только не уменьшает, а, наоборот, углубляет неравенство и бедность¹³.

И если у богатых с учетом того, что в стране существуют десятки способов отъема собственности (в том числе легальных), всегда сохраняется шанс вернуться на исходную (в лоно “семьи трудовой”) и вновь поселиться в “хрущевках”, то у бедных и их детей возможностей “выбиться в люди” и стать богатыми практически нет.

Нельзя не согласиться с Ю.Афонинным – первым секретарем Союза коммунистической молодежи России в том, что “сделать сегодня карьеру в любой сфере без денег и связей становится все сложнее. Завершился процесс формирования правящей касты. Социальные лифты остановились. Теперь выходцам из обычных семей путь к благополучному будущему заказан”¹⁴.

Но если человек в течение длительного времени (5–7 лет) остается бедным, то в этом случае, как пишет зам. директора Института социологии РАН Н.Тихонова, неизбежна маргинализация и переход в качественно иную категорию – социально исключенных. По Виктору Гюго, это уже “*refugies*” (отверженные), то есть те, кто в силу разных обстоятельств вне общества, выброшен из него.

В России таких непростительно много – около 15–17% всего населения¹⁵.

Об инстинкте самосохранения “вида”, или надо ли доводить народ до “цугундера”?

Выступая перед мэрами российских городов в Колонном зале Дома союзов в ноябре 2003 г., В.В.Путин “пошутил”: “Если кто-то будет доводить свой регион до цугундера, то лучше освободить его сверху, чем ждать, когда снизу на вилы поднимут”.

Так вот укоренение в России нынешнего вопиющего социального неравенства, построенного на разграблении национальных богатств и безнравственных (криминальных и полукриминальных) доходах, действительно может породить “цугундер”, то есть привести к социальному взрыву, который сметет не только рынок и его “жирующих” устроителей, но и саму Россию как самостоятельное государство. Неминуемо произойдет ее “балканизация” – распад на “удельные княжества” и “ханства”.

И если к тому же учесть, что разбушевавшийся сегодня “рукотворный” спекулятивным капиталом и спекулятивной анархией мировой финансовой и экономической кризис не обошел стороной, а до основания потряс также и Россию, то вероятность именно такого апокалипсического сценария развития событий (и, прежде всего, возможность социального взрыва) становится все более реальной. Не случайно связанные с этим сценарием прогнозы и предсказания стали все чаще появляться на страницах наших СМИ.

Поэтому с учетом такой перспективы бизнес-сословию России (и, в первую очередь, бизнес-элите) следует как можно быстрее “повзрослеть” и на-

учиться вести себя предельно ответственно и социально, заодно извлекая уроки из отечественной истории, в том числе уроки, связанные с причинами поражения февральской (1917 г.) буржуазной революции и ее перерастания в революцию социалистическую. Надо помнить, что, как это сформулировал писатель и историк Э.Радзинский, “не одни большевики устроили октябрьскую революцию. У них был соавтор – русская буржуазия. Ленин победил потому, что те, кто пришел к власти в феврале, не поняли главного – нужно отвечать на чаяния народа. Жалкая русская буржуазия, у которой не было политического опыта, чтобы понять: получив власть, не надо начинать беспощадное воровство, но нужно делиться. Это не благотворительность. Иначе окажешься на вулкане, который рано или поздно взорвется”¹⁶.

Можно привести и рассуждения о субъективных причинах Октябрьской революции одного из последних ее очевидцев – 96-летнего барона Э.А. фон Фальц-Фейна, потомственного русского дворянина, ныне подданного Княжества Лихтенштейн, который видит эти причины в том, что при “царском режиме не было справедливости”.

В интервью “АиФ” барон вспоминает: “В эмиграции я спросил дедушку: почему дворяне не пытались улучшить жизнь народа? Ведь тогда бы ничего не случилось. Дед вздохнул: “Я не знал, что люди так бедно живут. Я вращался в другом мире – балы, выпуск офицеров, званые обеды во дворце”. И того, что назревает взрыв, никто не ощущал”¹⁷.

Таким образом, очевидно, что исторические судьбы частного предпринимательства в России напрямую зависят от его способности самым фундаментальным образом изменить свое отношение к народу и его нуждам. Излечиться от дикой алчности и установки на приращивание капитала любой ценой. Решительно очиститься от криминальных и полукриминальных элементов. Переориентировать де-

ловую активность из сферы спекулятивного перераспределения на производственную сферу. Ограничить, раздражающее людей, демонстративное потребление – выработать аскетическую культуру пользования богатства и др.

В общем, сделать все для того, чтобы как можно скорее избавиться от явно “анимального лика капитализма” и стать в глазах народа бизнесом с “человеческим лицом”. Бизнесом, в котором органически сочетались бы личная выгода и общественная польза – наряду с частным интересом, всегда присутствовал и учитывался интерес общественный. И понятие “процветающее Отечество” – было бы для наших предпринимателей не пустым звуком, а смыслом существования. А наиболее выдающиеся и талантливые из них, точно также как и Билл Гейтс (“Моя слава – это слава Америки”), могли заявить: “Моя слава – это слава России”.

Примечания

- ¹ *Муштур О.З.* Москвичи о ценностях рыночной экономики // Пульс. 1998. № 8 (182). С. 8–10.
- ² Труд. 2005. 25 марта.
- ³ Аргументы и факты. 2007. № 8.
- ⁴ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме // Независимая газета. 1993. С. 271.
- ⁵ Московский комсомолец. 2000. 13 января.
- ⁶ НГ – Фигуры и лица. 2001.8 февраля.
- ⁷ Московский комсомолец.2001. 18 октября.
- ⁸ Сегодня. 1995. 10 ноября.
- ⁹ *Гришин А.* Groш цена тебе, страна // Московский комсомолец. 2007. 11 апреля.
- ¹⁰ Цит. по: *Крутаков Л.* Крах бандитского капитализма // Московский комсомолец. 1999. 6 октября.
- ¹¹ *Паникин А.* Радиация власти. Период полураспада // Московский комсомолец. 1996. 29 октября.
- ¹² Аргументы и факты”. 2004. № 44.
- ¹³ Аргументы и факты. 2007. № 16.
- ¹⁴ НГ – Политика. 2007. 16 октября.
- ¹⁵ Московский комсомолец. 2007. 16 июня.
- ¹⁶ Московский комсомолец. 2002. 17 март.
- ¹⁷ Аргументы и факты. 2008. № 45.